

В ПОИСКЕ ИМПЛИЦИТНОГО ПОРЯДКА ЯЗЫКА КАК ХАОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Р.П. Мильруд

Аннотация. Усилия лингвистов всегда были направлены на поиск эксплицитного порядка в естественном человеческом языке. В этом поиске нередко игнорировался хаотический, сверхсложный и самоорганизующийся языковой порядок, который по своей сути является имплицитным. Элементами анализа этого имплицитного строя служат «начальное условие», «фракталы», «странный аттрактор», «ответвления» и «возникновение».

Ключевые слова: сверхсложный языковой порядок, начальное условие, фрактал, странный аттрактор, ответвление, возникновение.

Постановка проблемы

В соответствии с научной традицией язык обычно рассматривается как системно организованный код человеческого общения и познавательной деятельности. Вместе с тем исследования языкового корпуса с самого начала обнаружили, что система языка ведет себя непоследовательно, не поддается исчерпывающей классификации и не укладывается ни в одну из предложенных матриц структурного и, тем более, функционального типа. Корпусная лингвистика, изучающая миллионную коллекцию случаев естественного употребления языка с помощью компьютерных технологий, подтверждает возможное существование языка как хаотической, сверхсложной и самоорганизующейся системы [1, 2]. Этим, вероятно, объясняются многочисленные случаи противоречий между эксплицитными (в правилах) и имплицитными (в функционировании) языковыми системами, которые отличаются между собой прежде всего «объясняемостью» в первом случае и «необъяснимостью» – во втором. Если эксплицитную систему можно объяснить закономерными правилами, то имплицитная система языка подчиняется закономерным исключениям из правил и некоему скрытому порядку – языковому хаосу. Этот хаотический порядок еще более осложняется тем, что демонстрирует различия в языках, текстах, авторах, жанрах и стилях.

Имплицитный и эксплицитный порядок

Для объяснения различий эксплицитной и имплицитной языковой системы можно использовать метафору «Вселенная». Видимые нам звезды достаточно логично укладываются в эксплицитную систему, состоящую из созвездий, где одни созвездия помещены в центр нашего восприятия по законам гештальт-психологии, а другие находятся на космиче-

ской «окраине». Однако Вселенная существует как имплицитная система, образуемая по невидимым нам законам гравитации, и ее центром, а также периферийными структурными компонентами являются вовсе не созвездия, а иные конструкции. Созвездий во Вселенной вообще нет. Сказанное в полной мере относится к естественному человеческому языку как сверхсложной, самоорганизующейся системе, которую мы пытаемся представить эксплицитно в форме правил и синтактико-морфологических матриц, однако в действительности она существует имплицитно и ее порядок до конца невидим. Более того, этот порядок имеет имплицитную, хаотическую природу.

Например, попытки разложить языковые средства на эксплицитные части речи можно считать удовлетворительными по принципу «за неимением другого». К имени существительному относятся слова, означающие не только предметы, но и явления (вода – дождь), не только процессы, но и состояния (операция – кома), не только образы, но и сценарии (любовь – свадьба). С помощью глагола передаются как процессы, так и состояния (работаю – сплю), как действия, так и ощущения (варит – болит), как явления, так и отношения (искрится – ненавидит).

Если в глаголе есть субстантивность, а в субстантиве – процессуальность, то либо такую систему, построенную лингвистами, нужно реформировать, либо она не может быть иной. Разумеется, реформировать языковую систему невозможно, о чем убедительно свидетельствуют беспомощные попытки в прошлом «навести порядок в языке». Столь же малоубедительными являются поиски в языке иной эксплицитной системы, которая оставляла бы меньше места для противоречий, исключений и «особых случаев».

Многочисленные непоследовательности и противоречия можно найти в области языковой морфологии, в частности в системе грамматического времени. Так, конструкции с «will» могут означать как будущее, так и настоящее время (Children will be children – Дети есть дети). Конструкции с be + Ving могут выражать как момент в настоящем, так и будущем (You are walking too fast – I am picking you up at 7). Конструкции типа had done могут передавать как ранее совершенное действие до прошлого момента, так и нежелательное действие, еще не совершенное в прошлом (When we arrived at the rail station, the train had already gone – I slammed the door before the stranger had rushed in) [3].

Язык «сопротивляется» попыткам уложить его не только в морфологические, но и синтаксические матрицы. Так, классическая грамматика непосредственно составляющих представляет предложение как структуру, состоящую из группы существительного (noun phrase) и группы глагола (verb phrase). Между тем предложение может состоять только из глагольных групп (Пока дышу – надеюсь).

Порядок слов, как «святая святых» английского классического синтаксиса, допускает множество вариаций и отступлений от нормативного

порядка типа subject – verb – object – complement – adjunct. Правильное в синтаксическом отношении английское предложение может начинаться с обстоятельства (First thing tomorrow morning I'll give a call to the boss). Началом предложения может быть дополнение (Joseph, could you have seen?). Порядок слов может «правильно» нарушать традиционную структуру составного глагольного сказуемого (Been really panicking, she has). Подобные нарушения академической нормы воспринимаются как более естественные, если сравнить их с порядком слов в разговорной речи на родном языке.

Порядок слов в естественном предложении соответствует не столько грамматической, сколько ментальной матрице, и предложение материализует мысль по мере ее формирования (My glasses, have you put them in the frig or have I?). Ментальная структура предложения обнаруживается во фразах, где завершение предложения избыточно дублирует его начало (She is driving me mad, my daughter-in-law).

Некоторые явления порядка слов в английском предложении подчиняются не столько правилам, сколько интуиции говорящих по принципу «так понятнее, удобнее, правильнее» (My grandmother gave them to them. – My grandmother gave them them). Это также относится к непростому выбору между прямым и предложным дополнением (The guest gave us a song. – Гость подарил нам песню/спел для нас/ – ~~The guest gave a song to us~~) (здесь и далее перечеркнутое предложение – неверный вариант).

Ментальные, а не формальные структуры обнаруживаются в сложных предложениях (So it was last April that you went?). Некоторые ментальные структуры закреплены в определенных разговорных формулах и употребляются только в конкретном контексте. Неформальное общение разрешает использовать эллиптические конструкции (For here or to take away?).

Эллиптические конструкции нарушают классическую структуру английского предложения, состоящего из подлежащего и сказуемого (Sounds good to me). Классическая структура предложения нарушается также многочисленными случаями инверсии (In came milk, flour and other ingredients and out came nice hot pies).

Эллипсис разрешает отсутствие не только полноправных, но и служебных членов предложения, например предлогов (Where's the milk? – Frig, I think). Эллиптические явления в языке являются дополнительным доказательством того, что именно ментальная, а не формальная структура предложения определяет форму высказывания. Это становится особенно заметно, когда слабеет влияние «социального одобрения» и соблюдение формальных требований к языку становится менее значимым. В этих условиях главным становится реализация мысли, а не правил. Точнее, вступают в силу правила естественного человеческого языка. Эти правила вовсе не означают вседозволенность и запрещают некоторые виды эллипсиса (Want soup? – Do I want soup? ~~I want soup?~~). Стихия естественного человеческого языка, таким образом, обнаруживает свой внутренний поряд-

док. Этот порядок отличается удивительным сходством в разных языках, где, несмотря на различия языкового строя, функционируют одни и те же структуры, особенно в ситуациях, когда нет времени на исполнение академических правил полного предложения (My back!).

Имплицитный (скрытый и невидимый) порядок соответствует явлению хаоса как особого динамического состояния любой сверхсложной системы. Такой сверхсложной системой является естественный человеческий язык, существующий не как организованный учеными эксплицитный код, а как биосоциальный механизм межличностного общения и социального познания.

Начальное условие

Биосоциальная природа языка есть «начальное условие», характерное для этой сверхсложной системы, находящейся в состоянии хаоса и функционирующей по принципу самоорганизации в силу своего начального состояния по принципу «так было, есть и так будет всегда» [4, 5,]. Применяя «космическую метафору», начальным условием хаотического порядка во Вселенной является большой взрыв, из которого рождается ее имплицитный порядок. Чем более эксплицитным этот порядок становится, тем ближе конец существования Вселенной в ожидании нового взрыва. Аналогично лишь мертвые языки отличаются эксплицитным порядком. Живые языки по своему начальному условию демонстрируют хаос с его имплицитной системностью.

В соответствии с начальным условием биологический механизм естественного человеческого языка представлен мозговыми структурами и артикуляционным аппаратом, рассчитанным на слуховое и зрительное восприятие текста сообщения. Мозговые структуры включают две ключевые зоны, выделение которых обусловило появление современного человека не только «разумного», но и «говорящего» примерно 200 тысяч лет назад. Характерно, что организация языка, возникшего в этот древний период, осталась во многом неизменной. Человек получил биологический механизм формирования и формулирования мысли с помощью дискретных и стихийно организованных языковых средств. Зона Вернике, расположенная ближе к затылочной части человеческого мозга, обеспечивает формирование коммуникативного смысла/намерения, а зона Брока, приближенная к центральным отделам, позволяет кодировать содержание в дискретную лексико-грамматическую форму. Лобные доли обеспечивают управление языковой системой в соответствии с доступными правилами и аутентичными исключениями. В этой биологической цепи важную роль играют мозговые структуры левого полушария, ответственные за речевую моторику, т.е. артикуляцию.

Нетрудно заметить, что обобщенный коммуникативный смысл, формируемый в зоне Вернике, получает вариативное воплощение в зоне Брока,

и это делает форму выражения коммуникативного намерения малопредсказуемой и в значительной степени стихийной. Множественность выражения элементов коммуникативного намерения подтверждается многочисленными исследованиями (см., например, исследования вариативной реализации того или иного концепта). Одна и та же идея может получить непредсказуемую языковую реализацию в зависимости от лексического, грамматического, стилового, регистрового и коммуникативно-функционального выбора. Так, чувство голода можно передать с помощью вопроса «Why don't we sit down and eat?», восклицания «Mm. Delicious!», распространенного предложения «I'm so hungry that I could eat a horse!», отчаянного восклицания «I am starving!» и др. Язык, таким образом, функционирует как сверхсложная система, повторяющиеся элементы которой укладываются в правила в сочетании с аутентичным хаосом.

Механизм естественного человеческого языка является не только биологическим, но и социальным, поскольку его успешное функционирование возможно только при условии социальных ограничений, накладываемых на употребление языка. Социальные ограничения не обязательно совпадают с академическими предписаниями. Наоборот, социальные ограничения во многом противоречат академической норме и допускают то, что с точки зрения нормативной грамматики является недопустимым. Иными словами, члены социума следуют правилам аутентичной, а не академической нормы в языке, и популярная практика нередко побеждает лингвистическую науку и языковую политику. Например, в соответствии с канонами английской классической грамматики (по эталонам латыни) недопустимым было употребление «разделенного инфинитива» (split infinitive) типа to quickly do, что в современном английском языке стало правильным. Академическая норма запрещает, а аутентичный английский язык разрешает использовать двойное отрицание (He won't agree I don't think). Правильными с точки зрения аутентичности являются фразы типа Did you get them, tickets? He hasn't got no brains at all, he hasn't. She's already bring it to me. Thanks. We was frightened like and did not go out. There was only some twenty people. I met a guy who had lived in Chile in 1970s. В подобных случаях социальные нормы не только допускают, но даже поощряют определенные языковые формы как символы собственной субкультуры, где хозяином языка является пользователь, а не академик.

Начальное условие хаотического существования языка в социуме проявляется также в том, что язык функционирует нелинейно, а дискурсивные процессы порождают не тексты, а гипертексты. Если строение текста можно назвать сложным, то гипертекст отличается сверхсложностью. Гипертекстовая материя языка стала явной при обращении к «компьютерной метафоре» с ее гипертекстами, гиперссылками и «путешествием по виртуальному пространству». Порождение мысли, как правило, реализуется в бесконечном множестве существующих и непрерывно по-

рождаемых в социуме параллельных текстов, объединяемых общими идеями, признаками, ключевыми словами, структурами, подходами и пр. Движение мысли в этом нелинейном пространстве, всякий раз непредсказуемое отличается хаотичным (скрытым) порядком, подчиняется субъективной логике и реализуется в сверхсложной языковой системе. Причиной функционирования языка как сверхсложной, хаотической и самоорганизующейся языковой системы является гипертекст как естественная форма реализации когнитивно-коммуникативных функций языка.

Таким образом, начальное условие биологического возникновения и социального функционирования языка делает его хаотической (со скрытым порядком), сверхсложной (с более чем множеством элементов в их нелинейной связи) и самоорганизующейся (неподвластной внешнему управлению) системой.

Языковые фракталы

Любая хаотическая, сверхсложная и самоорганизующаяся система имеет особое структурное строение и состоит из *фракталов*. Фракталы представляют собой элементы целого, находящиеся между собой в отношениях взаимной идентичности, включающие друг друга и содержащие друг друга во все более возрастающих размерах. Это означает, что в хаотической системе целое по своей форме идентично его составляющим, начиная с элементарных частей. Примером фрактального строения является «снег», состоящий из «снежинок». Последние состоят из меньших «снежинок», а те – из еще более дробных снежных частиц. Другим примером фрактального строения является ветвящееся дерево, состоящее из все более мелких ветвящихся структур. Древним символом фрактального строения рождающегося пространства, состоящего из вложенных друг в друга элементов, является «матрешка», появившаяся в Индии, Японии, Китае и превратившаяся в известный русский сувенир. Возникает предположение, что язык как хаотическая, сверхсложная и самоорганизующаяся система тоже может иметь фрактальное строение.

Применяя космическую метафору, можно заметить, что фракталами вселенной являются звезды и планеты. Издали эти небесные тела кажутся правильными и круглыми, но в действительности они имеют неправильную, изогнутую форму с далеко негладкой поверхностью. Эти регулярно повторяющиеся неправильные формы (других нет) наполняют собой космическое пространство.

Фрактальным строением отличается языковой знак, если согласиться с тем, что этот знак может быть сколь угодно элементарным и бесконечно сложным. Слова как языковые знаки входят в словосочетания, а они – в предложения, образующие абзацы, а потом тексты и т.д. Языковые знаки разного уровня сложности входят один в другой и функционируют по принципам взаимовключения, самоидентичности в возраст-

тающих масштабах. Это подтверждает фрактальное строение функционирующей языковой материи.

Если согласиться с фрактальным строением языковой материи, то она состоит из взаимно идентичных элементов, наполняющих собой бесконечно расширяющийся дискурс. Если это так, то в языковой материи можно обнаружить фракталы концептуально-смыслового, тема-рематического и морфолого-синтаксического типа.

Концептуально-смысловые фракталы образуют содержательную структуру текста, в котором элементы смысла объединяются в единое целое и обнаруживаются как на уровне слов в виде лексической когезии целостного произведения, так и на уровне предложений, абзацев и пр. Концептуально-смысловые фракталы обеспечивают содержательную когерентность текста в целом. Концептуально-смысловые фракталы представляют собой не формальную, а референтную систему, соотносящую содержание с мыслимым контекстом. Для их исследования выделяются следующие типы референтности (соотнесенности): анафорическая (соотнесение с предшествующим содержанием), катафорическая (соотнесение с последующим содержанием), эндофорическая (соотнесение с текстовым контекстом), экзофорическая (соотнесение с жизненным контекстом). Все типы референтности можно обнаружить не только на уровне предложения, но и в более крупных фрагментах, а также в целом тексте и даже между текстами.

Тема-рематические фракталы, соединяющие «данное» и «новое», объясняют динамику построения смыслового содержания в дискурсивном процессе. Так, интерактивные отношения темы и ремы возникают при построении предложений, абзацев, периодов и целого текстового произведения. Тема-рематические отношения закономерно возникают между разными текстами, написанными на одну и ту же тему и добавляющими к ним новую информацию. Такие отношения характерны для фрактального строения дискурса как целостного коммуникативного процесса, порождающего тексты.

Корпусная лингвистика создает наиболее благоприятные условия для изучения фракталов морфолого-синтаксического типа. Она позволяет установить, какие морфолого-синтаксические формы образуют «знаковое тело языка» как сверхсложной и самоорганизующейся системы. К морфолого-синтаксическим фракталам можно отнести лишь такие структуры, которые с достаточной частотностью, регулярностью и предсказуемостью встречаются в языковой материи. Именно частотность, регулярность и предсказуемость функционирования, а не соответствие академической норме, позволяют отнести структурные элементы к фракталам языковой системы. Подчеркнем, что в соответствии с определением фракталов они представляют собой неправильные, фрагментарные и разложимые на себе подобные структуры.

Исследование фракталов языковой системы может быть как формальным, так и функциональным. Формальный подход строится на основе частотности тех или иных явлений. Функциональный подход предполагает анализ соответствий формы и смысла. Функциональный подход представляется более обоснованным, так как хаотичность языковой системы обусловлена прежде всего сверхсложными отношениями между мыслимым содержанием и продуцируемой формой.

Исследования языкового корпуса показывают, что в повседневном употреблении центральным языковым явлением является эллипсис, а не только полное по составу предложение. Так, характерными можно считать фразы типа *I know, I am*. Приведенная фраза приобретает смысл в связи с предшествующей: *I think you are very smart*. Подобные многочисленные примеры показывают, что эллиптические конструкции можно отнести к языковым фракталам – строительному материалу («снежинкам») языковой материи. Однако их существование возможно только в смысловом единстве с более широким контекстом; это означает, что фракталами языковой системы также являются диалогические единства типа *Did you ring Marion? – No, I didn't*. Из эллиптических конструкций могут состоять целые диалоги как более сложные, чем фразы, эллиптические фракталы (напомним, что фракталы как более сложное целое всегда состоят из подобных себе форм):

- *Started yet?*
- *Not yet.*
- *Not sure?*
- *Kind of.*
- *When then?*
- *No idea.*

В эллиптических конструкциях английского языка нередко отсутствует «обязательный» начальный элемент, и подобные неполные формы являются регулярными при всей их «нерегулярности», «фрагментарности» и «неправильности». Такие формы могут наполнять собой текст: *You been eating sweets again? The dog bothering you? Anybody want a sandwich?* Анализируя подобные структуры, можно сделать предварительный вывод о том, что фракталы в языке представляют собой «правильную неправильность» и в этом заключается их специфика как материи хаотической и самоорганизующейся языковой системы [6].

Регулярность эллиптических конструкций позволяет вывести некоторые закономерности, характеризующие их употребление в хаотической системе языка. Так, в естественном языке вспомогательные глаголы нередко не нужны перед местоимением «you»: *You all right? You sure? You OK?* В ряде случаев само местоимение может отсутствовать: *Ready to order?* Местоимение «I» также может опускаться в начале высказывания: *Can't find my glasses. Don't want it. Hope you are fine. Talk to you later. Love to meet you. Think so. Wonder how you doing.* Возможен пропуск и других

местоимений: *Looks like it. Doesn't want it. Never met them? Could be.* Столь же необязательным может являться начальное «there»: *Nobody at home. Must be thousands of people out there. Too little time, I'm afraid.*

Сама возможность выведения того или иного правила/законномерности/регулярности не только представляет собой попытку пользователей или ученых внести регулярность в нерегулярное употребление языка, но и подтверждает фрактальное строение его сверхсложной самоорганизующейся системы.

Именно в силу самоорганизации, а не исполнения академических правил в языке существуют как эллиптические, так и полные конструкции. Хаотичность полных конструкций заключается в том, что конструкция предложения в языке оказывается сложной и самоорганизующейся, т.е. не всегда подчиняется формальным правилам. Это особенно заметно в тех случаях, когда границы предложения представляются нечеткими, как в устной речи: *He is trying to send me an email but I am having some trouble with my computer you see You know On my computer When I try to get anything on it nothing comes It's just saying that it's not in the file I don't know if you've ever And I'll have to get a disk and Have you ever installed a new version of this.* В подобных случаях явно спонтанного высказывания структура предложения может быть относительно полной, однако недостаточно четкой в силу самоорганизующегося совершения мысли в слове. Остается предположить, что структура предложения как хаотической языковой реальности может быть познана с помощью фракталов кодирования и восприятия смысла. Представляется также возможным уточнить определение фракталов в языке как хаотической, сверхсложной и самоорганизующейся системе: *фракталы есть стихийно возникающие, наполняющие собой коммуникативное пространство, находящиеся в отношениях взаимной идентичности, повторяющие друг друга в разных масштабах неправильные, но регулярные элементы языковой материи.*

Странный аттрактор

Не менее важным явлением, подтверждающим хаотическое строение и функционирование языка, является *странный аттрактор*. Странный аттрактор в теории хаоса проявляется как нелинейная динамика «отклонения от порядка». Так, движение маятника не является по своему направлению возвратно-поступательной прямой, а демонстрирует более сложное по форме колебание. Еще более сложной по форме является хаотическое и непредсказуемое движение температур в длительных наблюдениях за погодой. Такое движение вовсе не является круговым в соответствии со сменой времен года, а всегда приближается к форме «восьмерки», всякий раз отклоняясь от круговых движений. Отклонение от движения по прямой или кругу объясняется «странным аттрактором», т.е. имплицитными обстоятельствами, которые нередко считаются несущест-

венными, мелкими и посторонними. Между тем существует метафорическое выражение о том, что если бабочка махнет крылышком в Африке, то в Калифорнии может быть ураган.

В космической метафоре странный аттрактор обнаруживается в неправильном движении некоторых планет, которые под влиянием невидимых и необъяснимых гравитационных полей постоянно отклоняются от своей орбиты.

Употребление языка в коммуникативном процессе демонстрирует постоянное отклонение от регулярности. Об этом убедительно свидетельствуют исследования языкового корпуса. Например, в Британском национальном корпусе встречается значительное количество «неправильных» связей типа *you was, we was, they was*. Подобные формы настолько распространены в местных вариантах разговорного английского, что получили название *default singulars* [7]. В соответствии с этой тенденцией широко используются такие формы, как *There was lots of people in the street*. Местоимение *who* регулярно употребляется в сочетаниях *who was/is*, даже если подразумевается присутствие нескольких человек. Явление распространяется даже на фразы типа *The boys was interested*. За неимением другого объяснения предлагается интерпретация глагола-связки *was* как одновременно формы выражения согласования в единственном и во множественном числе. Подобные случаи употребления *was/were* имеют историческую традицию и уходят корнями в древненемецкий язык, сохраняя свою регулярность вплоть до среднеанглийского периода в южной части Англии и распространившись на другие диалекты употребления языка его естественными носителями.

Относительно регулярное использование форм типа *you was* представляет собой отступление от языковой правильности, которое можно объяснить существованием «странного аттрактора» в виде многовековых языковых традиций. Подобные проявления являются еще одним доказательством хаотического строения языка и могут быть исследованы с помощью языкового корпуса.

Ответвление

Ответвление представляет собой возникшую из имеющейся хаотической системы новую тенденцию, которая закрепляется в виде ранее не существовавшего явления и регулярно проявляется в функционировании хаотической системы. Применяя космическую метафору, к ответвлениям можно отнести появление и существование комет и астероидов с их сложными, не до конца понятными, но реально существующими орбитами движения.

Существенным проявлением хаотичности языковой системы можно считать «ответвление» (*spin-off*). Примером этого явления могут служить существительные, имеющие одну и ту же форму для единственного и

множественного числа. Ранним случаем подобного употребления слова было существительное *series*, пришедшее в английский язык из латыни, а также *chassis*, заимствованное из французского в начале XVII в. Еще раньше, в середине XVI в., в английский язык пришло слово *species* также латинского происхождения. До начала второго тысячелетия, приблизительно в IX в., из северных диалектов пришло в английский язык слово *sheep*, имеющие одну и ту же форму для единственного и множественного числа. В XIX в. эта группу дополнили слова *aircraft*, *gasworks* и т.д. Процесс ответвления заключался в том, что единичные случаи постепенно множились и образовали целую группу существительных как особое явление английской грамматики, признаваемое и изучаемое «официальной лингвистикой»: *bison*, *fish*, *herring*, *trout*, *mackerel*, *deer*, *reindeer*, *salmon*, *rendezvous* и др. Поскольку данная группа «ответвленных» случаев существует в общей хаотической системе с наполняющими ее фракталами, некоторые слова с одинаковым написанием по-разному произносятся в единственном и множественном числе: *chassis* [*shassi* – *shassis*].

На первый взгляд может показаться странным, что будущее время в английском языке также является ответвлением от разных морфологосинтаксических форм, но в английском языке отсутствует единое «морфологическое будущее». Даже хорошо узнаваемые *shall/will* являются модальными глаголами. Рассмотрим следующие многочисленные примеры, каждый из которых относится к будущему времени: *What are you going to drink? What are you drinking? What are you having? I'll have tea. Coffee for me. We are going to buy a new car. We are buying a new car. We are having a new car. I'll be home later. I'm coming later. My train leaves in the afternoon. The tree is going to fall. The wall is about to crack. You are not going to waste my money. You are not wasting my money. I am starting a new job next week. Jill is flying next Friday. As you are coming into the village, turn left. My wife could arrive tonight. What am I to say then? You are certain to run out of time.* Противоречивость случаев употребления будущего времени подтверждается примерами, когда *shall/will* используются для выражения иных значений, но не только «будущности»: *Shall I give you a hand? Will you marry me?*

Явления типа «ответвлений» характерны для любой хаотической, сверхсложной и самоорганизующейся системы. Они с закономерной регулярностью проявляются в естественном человеческом языке, демонстрируя его подлинную природу и объясняя динамику обновлений и преобразований.

Возникновение

Свойством хаотической системы является феномен «возникновения» (*emergence*). Это явление характеризует появление хаотической системы с ее скрытыми закономерностями и обнаруживает проявление в сис-

теме ее хаотического порядка. Аналогом «возникновения» в космической метафоре является рождение сверхновой звезды с ее планетным окружением по законам гравитации.

Хаотическая природа языка, вероятно, проявляется в феномене *возникновения* (emergence) языкового порядка. Теория «возникновения», в отличие от теории «усвоения» (acquisition), возникла недавно и объясняет процессы появления естественного человеческого языка как в фило-, так и онтогенезе. Эта теория рассматривает стихийные процессы появления хаотического порядка в языке как сверхсложной и самоорганизующейся системе.

Возникновение хаотической языковой системы подчиняется общим законам процессов под общим названием *emergentism*. Эти процессы отличаются *целостностью, обновлением, причинностью, непредсказуемостью и несводимостью к частным случаям*. Язык как сверхсложная, хаотическая и самоорганизующаяся система отличается целостностью и не состоит из механического соединения ее элементов. Только на уровне целостного существования язык может функционировать как единый биолого-социальный механизм коммуникативно-познавательной деятельности человека. Язык в силу своих хаотических свойств и присущей самоорганизации характеризуется постоянным обновлением не только в диахронии, но и в его социальных/индивидуальных проявлениях в любой момент существования. Так же как нельзя дважды войти в одну реку, невозможно дважды одинаково погрузиться в языковую материю. Даже цитирование каждый раз бывает новым, если иметь в виду смысловые импликации, интонацию, фонемное оформление и пр. Любые явления языка имеют свою причинность. Это создает возможность находить в языке отдельные закономерности, объяснять их, выводить правила. При этом сверхсложная хаотическая система языка всякий раз оставляет место для исключений. Язык непредсказуем в своей функции и это не только обуславливает индивидуальность речевых процессов, но и делает возможным языковое творчество. Наконец, язык несводим к частным случаям и за каждым конкретным языковым проявлением лежит непознанная, не до конца известная, а возможно, и непознаваемая общая закономерность. Несмотря на несводимость языка к частным проявлениям, их изучение представляет собой известный путь исследования глобального языкового порядка как хаоса с его сверхсложной самоорганизацией. Только так можно хотя бы частично подтвердить или опровергнуть гипотетические представления о хаотической языковой системе.

В исследовании явления *возникновения* обнаруживается существование *смыслового начала* всех языковых функций. Так, исследования обнаруживают смысловые проявления уже на этапе криков ребенка в первые дни жизни, включая крик боли, новизны, голода, удовольствия, дискомфорта, впечатления и пр. Только неким «смысловым началом» возникновения функционирующей языковой системы можно объяснить тот

факт, что модальные глаголы *can, may, must* коррелируют между собой по частоте встречаемости в языковом корпусе. Вероятно, значения «возможности», «вероятности» и «обязанности» взаимосвязаны в коммуникации. Труднее объяснить случаи высокой корреляции между глаголами «would» и «must», однако их функциональная взаимосвязь подтверждается статистически (чем чаще используется «would», тем чаще появляется в текстах «must»). Столь же трудно объяснима корреляция между «should» и «may», хотя взаимосвязь «might» и «could» легко объясняется почти синонимическими грамматическими значениями (MacWhinney).

В процессе возникновения реализуются следующие принципы возникновения языка: *лексического оформления, социальной поддержки, коммуникативного смысла, гиперхгенерализации/гипогенерализации правил, семантических полей, морфологических маркеров, неправильных форм, дифференциации конкретных/абстрактных значений, частей речи, членов предложения, синтаксической организации, актуального членения предложения.*

Явление возникновения языка как хаотической, сверхсложной и самоорганизующейся системы наглядно проявляется в лингвокреативности, когда язык всякий раз возникает как носитель новых мыслей, замыслов, образов, сюжетов и случаев в постоянно обновляющейся форме. Хаотически возникающая, а не «окаменелая» система языка открывает возможности для языкового творчества. Вспомним хотя бы «молоткастый паспорт» В.В. Маяковского или «*my loves*» У. Шекспира.

«Возникновение» языка не имеет начала или окончания этого процесса и представляет собой саму жизнь языка, который непрерывно появляется, трансформируется и преобразуется нередко до неузнаваемости. Сказанное относится к возникновению языка не только в филогенезе, но и в онтогенезе.

Если проанализировать ранний этап возникновения современного английского языка, относящийся к XVI в., то можно заметить, что происходящие тогда преобразования объяснялись единством коммуникативно-познавательной деятельности. Например, интерес к произведениям на латинском языке обусловил проникновение как идей, сформулированных на латыни, так и слов. Поэтические произведения Джона Скелтона (1460–1529) включали более 1500 новых для английского языка латинских слов, таких как *attempt, celebrate, describe, economy* и др. Если описать жизнь английского джентльмена языком до Великого сдвига гласных, то текст имел бы следующую форму: *Hay lived in a hoos with his weef, and hay would treat heer with a bottle of weena, drunk by the light of the moan.* (He lived in a house with his wife and he would treat her with a bottle of wine. Drunk by the light of the moon.) Само явление Великого сдвига гласных объясняется тем, что язык является сверхсложной, хаотической и саморазвивающейся системой. Анализ изменений в английском произношении, не прекращающихся по сей день и неизбежных в будущем, свиде-

тельствует о том, что язык бесконечно «возникает» с самыми непредсказуемыми последствиями.

Язык Шекспира в эпоху раннего современного английского языка также непрерывно «возникал» и преобразовывался, о чем свидетельствует диахронический анализ его ранних и поздних произведений с помощью электронной обработки языкового корпуса. Это касается частотности слов, появлений новых лексических единиц, изменений в синтаксисе предложений и, что закономерно, в обращении к новым темам. Кстати, непредсказуемость и даже случайность возникновения языка иллюстрируются влиянием личности. Так, если бы не Шекспир, в английском языке не было бы таких слов, как *amazement*, *premeditation*, *dislocation* и др.

Явление «возникновения» языка прослеживается не только в условиях его естественного, но и «учебного» функционирования. Это явление известно как *interlanguage* (Selinker). «Интерязык» – это неродной язык, усваиваемый и преобразуемый на разных этапах формирования коммуникативной компетенции с характерным запасом слов, синтаксическими и словообразовательными моделями, аутентичностью, идиоматичностью и сколь типичными, столь же и неизбежными ошибками. Каждому этапу формирования интерязыка учащихся соответствуют свои характерные ошибки. Вспомним хотя бы знаменитое «goed», категорически отрицаемое учителями английского языка неанглоговорящих стран, но охотно признаваемое английскими и американскими мамами, которые знают о том, что у их детей «это пройдет» и они овладеют общеизвестной формой «went».

Дети «сверхобобщают» некоторые правила и применяют их там, где языковые предписания на данном этапе его возникновения в социуме рекомендуют иные порядки. Другим явлением является «упрощение», когда дети игнорируют слишком сложные для них языковые конвенции. Например, множество падежей в турецком языке не под силу детям до 10–12 лет и поэтому они игнорируют большинство падежных окончаний. Постепенно их речь наполняется формами падежей, которые в разговорных ситуациях нередко вновь упрощаются.

Таким образом, анализ языка как в синхронии, так и диахронии подтверждает гипотезу о том, что этот социально-биологический механизм коммуникативно-познавательной деятельности человека имеет хаотическую организацию и отличается сверхсложностью и самоорганизацией, что проявляется в вариативности, непредсказуемости, противоречивости и постоянном обновлении этого кода. Хаос в языке характеризуется своим имплицитным порядком, в котором проявляется начальное условие, обнаруживаются языковые фракталы, действуют странные аттракторы, возникают ответвления и наблюдается постоянное возникновение новых непредсказуемых знаков. Прекращение этого стихийного процесса означает остановку жизни языка и его превращение из живого организма в мертвую окаменелость.

Литература

1. *Mitchener W.G., Nowak M.* Chaos and language. Science. The Royal Society. L., 2004.
2. *Weninger C., Andres C.* An introduction to linguistics in the 21st century // Journal of English Linguistics. 2007. Vol. 35, № 3. P. 211–216.
3. *Carter R., McCarthy M.* Cambridge Grammar of English. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
4. *Huaxia Z.* Exploring dynamics of emergence. Systems Research and Behavioral Science. 2007. Vol. 24. P. 431–443.
5. *MacWhinney B.* Models of the emergence of language // Annual Review of Psychology. 1998. Vol. 49. P. 199–227.
6. *McEnery T., Wilson A.* Corpus Linguistics. Edinburgh Textbooks in Empirical Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001.
7. *Trudgill P.* English dialect default singulars // Journal of English Linguistics. 2008. Vol. 36, № 4. P. 341–353.

IN SEARCH FOR AN IMPLICIT ORDER OF A LANGUAGE AS A CHAOTIC SYSTEM Millrood R.P.

Summary. Efforts of linguists have always been targeted at the search of explicit order in the natural human language. In this search they have often ignored the chaotic, overcomplicated and self-organizing language order that is implicit by its nature. Elements of analyzing this implicit order are «initial condition», «fractals», «strange attractor», «spin-offs», «emergence».

Key words: overcomplicated language order, initial condition, fractal, strange attractor, spin-offs, emergence.